

УДК 343.43:340.15

И.Н. ФРОЛОВА,
федеральный судья, соискатель

Бугульминский городской суд Республики Татарстан

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВА КЛЕВЕТЫ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЦАРСКОЙ РОССИИ

Статья содержит в себе исследование законодательных актов, действовавших на территории Российской империи в период с XI до начала XX веков, от Русской Правды до Уголовного уложения 1903 года. Основным аспектом исследования – наличие в законодательстве норм о клевете и смежных с ней составов, объективные и субъективные признаки состава клеветы, их возникновение и развитие.

История законодательного регулирования ответственности за преступления против чести и достоинства имеет глубокие корни.

Первым широко известным важнейшим памятником русского феодального права является Русская Правда, относящаяся к XI-XII векам. Фактически это первый русский судебник, включающий в себя систематизированные нормы различных отраслей права, в том числе уголовного и уголовно-процессуального. Краткая редакция Русской Правды была открыта В.Н. Татищевым в 1758 г., известна также Пространная ("Суд Ярослава Владимировича") и Сокращенные редакции.

Ст. 18 Пространной редакции Русской Правды носит название "О поклепной вире" и фактически содержит описание процедуры отведения ложного обвинения в убийстве. Бремя доказывания своей невиновности при этом возложено на обвиняемого, который должен выставить не менее семи "послухов", то есть свидетелей его доброй жизни, которые могут "вывести виру", то есть отвести обвинение [1, с. 65].

Состав клеветы как преступления в Русской Правде отсутствует, имеется только указание на обязанность обвинителя внести плату за ложное обвинение. При этом такую же плату, своеобразный аналог государственной пошлины, вносит и оправданный потерпевший.

В течение следующих XII-XV веков на территории Древней Руси принимались и действовали различные княжеские уставы и уставные грамоты, в которых ответственность за преступления против чести и достоинства получила определенное законодательное закрепление.

Так, к XII веку ученые относят появление Устава князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных [1, с. 137]. На Руси к тому времени было принято христианство, и Устав закрепил место церковной организации в государстве.

Ст. 9 названного Устава впервые содержит указание на клевету как на преступление. При этом клевета наряду с оскорблением бранным словом расценивалась как разновидность "урекания". Наказуемой считалась клевета, связанная с обвинением в изготовлении зелий и еретичестве [1, с. 145]. Таким образом, объектом клеветы как состава преступления являлись не столько честь и достоинство человека, сколько его общественная благонадежность и верность христианской религии. Объективным признаком клеветы являлось совершение действий, направленных на "оскорбление клеветой", то есть обвинение в совершении общественно порицаемых и наказуемых поступков.

Таким образом, клевета, которая не расценивалась как преступление русским обычным

правом, с точки зрения церковного права стала расцениваться как таковое. Дела "об урекании" подлежали ведению епископов.

По мнению известного русского историка В.О. Ключевского, установление ответственности за оскорбление словом "было первым опытом пробуждения в крещеном язычнике чувства уважения к нравственному достоинству личности человека" [2, с. 183]. При этом само понятие преступления в древнерусском праве формулировалось как обида.

Древнерусские памятники права не содержали деления преступлений против чести и достоинства на составы, соответствующие современным. Так, ст. 25 Краткой редакции и соответствующая ей ст. 30 Пространной редакции Устава князя Ярослава о церковных судах, относящиеся к XIV веку, устанавливает ответственность за заведомо ложное обвинение и позорящее оскорбление чужой жены словом [1, с. 183]. Таким образом, в рамках одного состава объединены несколько современных составов преступления: и заведомо ложный донос, и оскорбление, но оскорбление не любое, а именно – позорящее оскорбление чужой жены словом. То есть, объектом преступления являлись не столько честь и достоинство самой женщины как самого предмета клеветы, сколько честь и достоинство ее мужа, о чем свидетельствует формулировка обвинения.

Образование русского централизованного государства, его превращение в сословно-представительную монархию не могло не отразиться на развитии всех отраслей права. По-новому стало трактоваться само понятие преступления, изменился и термин для его обозначения – вместо "обиды" преступление именуется "лихим делом" [3, с. 27], то есть изменился сам родовый объект преступления – он перешел с интересов конкретной личности на интересы государства.

Первыми опытами кодификации норм закона явились Судебники: Судебник 1497 года великого князя Ивана III и Судебник 1550 года царя Ивана IV.

В ст. 8 Судебника 1497 года впервые появляется понятие "ябедничества", то есть ложного доноса, злостной клеветы, имевшей своей

целью обвинить невиновного [3, с. 68]. То есть преступлением являлась не любая клевета, а именно клевета как разновидность "поклепной виры" из Русской Правды и современного ложного доноса. При этом бремя доказывания, в отличие от Русской Правды, возложено на субъекта, совершившего оговор, а не на оговоренного. Но сам процесс доказывания был специфичным: виновность оговоренного подтверждалась не представлением доказательств, а крестным целованием оговаривающих (присягой) – ст.ст. 12-13 Судебника [3, с. 69]. При этом существовал даже определенный аналог главы 40 УПК РФ – особый порядок судебного решения. В ст. 12 Судебника введена сокращенная процедура судопроизводства, согласно которой оговор в воровстве со стороны пяти-шести "добрых людей", даже при отсутствии доказательств виновности, влек за собой для оговоренного обязанность удовлетворить требования истца без разбора дела по существу. Зачатки презумпции невиновности оговоренного несли в себе лишь ст. 14 Судебника – оговор со стороны "татья" подлежал проверке пыткой или обыском [3, с. 73, 74]. То есть с усилением централизации власти честь и достоинство гражданина как таковые лишились уголовно-правовой защиты, защищалась законопослушность гражданина, его лояльность к государству и существующим законам.

Однако уже в ст. 26 Судебника 1550 года введена ответственность за бесчестье, в том числе и бесчестье действием [3, с. 137].

Главным печатным памятником русского права, изданным дважды по 1200 экземпляров и ставшим первым в истории России систематизированным законом, явилось Соборное Уложение 1649 года. Возрастает законодательная деятельность Российского государства, усиливается стремление правительства подвергнуть правовой регламентации как можно больше сторон и явлений государственной и общественной жизни, поэтому и ответственность за различные виды клеветы подробно регламентирована.

Так, при законодательном материальном поощрении "извета" (доноса), ст. 17 гл. 1 вводит

ответственность за ложный донос в "великом государевом деле и измене", то есть в совершении государственного преступления, ст.ст. 7-9 гл. 10 устанавливают ответственность за необоснованное обвинение во взяточничестве, ст.ст. 84-89 – за бесчестье (оскорбление словом и делом), ст. 161 – за ложные показания в ходе "обыска" (массового опроса), ст. ст. 251-252 гл. 10 – ответственность за лжесвидетельство, ст. ст. 186-188 – за вымогательство путем предъявления "поклепного иска" [4, с. 265, 289, 296, 308, 311], то есть сам поклепный иск не наказуем, уголовную ответственность влекло установление корыстного мотива его предъявления как обязательного признака субъективной стороны состава преступления, прообраза современного квалифицирующего признака.

При этом появилась тенденция к ужесточению ответственности за специальные составы клеветы, такие как лжеприсяга и лжесвидетельство, что зафиксировано в ст.ст. 9-10 Указа от 21.02.1697 г. об отмене в судных делах очных ставок и Артикула воинского 1715 года, который в арт. 197-198 ввел ответственность за квалифицированный вид лжеприсяги и лжесвидетельства, зависящий от наступивших последствий, – если невиновному учинен вред [5, с. 403].

Таким образом, обязательным признаком вышеуказанного состава преступления явились не только действия по оговору невиновного, но и наступившие для оговоренного неблагоприятные последствия. Тут же впервые введена ответственность за "анонимный пасквиль" (арт. 149) [5, с. 354].

Нормы об уголовной ответственности за различные виды клеветы последовательно развиваются в памятниках законодательства феодального абсолютизма – Уставе благочиния или полицейском 1782 года (п. 9 ст. 272) [6, с. 385], а далее в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, где преступлениям "об оскорблениях чести" посвящена целая глава [7, с. 167]. Ст. 1535 Уложения, как и Устав князя Ярослава, предусматривает ответственность за клевету, которая посягает на честь и достоинство главы семьи по-

средством оклеветания его жены или других членов семьи, хотя бы и умерших. Такое расширение объекта клеветы, признание возможности посредственного оклеветания вызывается зависимым положением членов семьи от ее главы [8, с. 232].

Уложение о наказаниях развивает нормы о лжеприсяге, которой посвящена глава 5 [7, с. 232]. При этом нормы о лжеприсяге делятся по субъективному признаку состава преступления: ст. 256 – с прямым умыслом, ст. 260 – лжеприсяга без обдуманного намерения или в трудных обстоятельствах, то есть фактически введено понятие косвенного умысла, безразличного отношения к наступившим для оговоренного последствиям. Интересным моментом Устава о наказаниях является то, что фактически он ввел норму для устрашения клеветников: ст. 310 за подачу необоснованной жалобы более трех раз допускалась смертная казнь [7, с. 248].

Прообразом современных норм об уголовной ответственности за клевету явились нормы законодательных актов XIX века – Устава уголовного судопроизводства 1864 года, в ст. 35 которого говорится об ответственности за письменную клевету, которая отнесена к компетенции мировых судей и к делам частного обвинения, которые могут быть прекращены примирением сторон [9, с. 261], и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года, отделение 1 главы 11 которого носит название "Об оскорблениях чести" [9, с. 411].

Ст. 136 Устава устанавливает ответственность за простую и квалифицированную клевету по признаку квалифицированного объекта клеветы – женщины или лица, имеющего право на особое уважение [9, с. 411]. Ст. 137 Устава вводит ответственность за диффамацию, то есть разглашение любых тайных сведений, не обязательно ложных, с намерением оскорбить честь [9, с. 412]. При этом в ст. 138 Устава впервые оговаривается возможность освобождения от уголовной ответственности, если потерпевший выберет гражданско-правовой способ возмещения вреда. Устав устанавливает, что не образуют состава уголовно-наказуемой клеветы

ты действия, формально содержащие объективные признаки преступления, если ранее сам обиженный нанес обидчику равную или более тяжкую обиду.

Последним по времени принятия фундаментальным законодательным актом Российской империи в области материального уголовного права явилось Уголовное уложение 1903 года, нормами которого введена ответственность за преступления против чести и достоинства царствующей фамилии (ст.103) [10, с. 301]. При этом оговаривается и направленность умысла – прямой умысел (с целью возбудить неуважение к их особе), косвенный (без цели) и даже неосторожность (по недоразумению, невежеству. Сюда же отнесено и состояние опьянения). Отдельной статьей 104 введена ответственность за неоконченное преступление [10, с. 301].

Таким образом, к моменту крушения царской Российской империи была выработана обширная законодательная база регулирования уголовно-правовой защиты чести, достоинства и репутации граждан и должностных лиц.

Список литературы

1. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 1; под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984.
2. Ключевский В.О. Сочинения. – Т. 1. – Л., 1974.
3. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2; под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984.
4. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 3; под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984.
5. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 4; под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984.
6. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 5; под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984.
7. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 6; под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984 г.
8. Ной И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. – Саратов: СГУ, 1959.
9. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 8; под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984.
10. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 9; под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984.

В редакцию материал поступил 27.02.08.